

## Поль Робсон и Сайрус Итон

Летом 1958 года в Москву приехал великий американский певец Поль Робсон. Иностранные визитеры еще только открывали для себя Россию, «страну для них совсем чужую», вот и Робсон, один из немногих почитателей нашей страны в США, решил посмотреть, каков же Советский Союз на самом деле. 29 августа отец пригласил его на Ливадийскую дачу, где он проводил свой отпуск. Они посидели под тентом на пляже, а потом вместе отправились в пионерский лагерь «Артек». Там произошло настоящее братание. Огромный черный человек для отдохнувших детишек олицетворял угнетенную Африку. Они окружили плотным кольцом Робсона и отца. Певцу пожимали руку, стремились его потрогать. На отца внимания почти не обращали. Потом дети пели Робсону, а Робсон – детям.

В тот год Поль Робсон стал кумиром не только артековцев, но и всей страны и как певец, и как человек. До конца своей жизни, он умер в 1976 году, Робсон тепло относился к нашей стране. У нас образ его постепенно тускнел, а к концу XX века отношение к Полю Робсону стало сначала пренебрежительным, а потом и откровенно враждебным. Помнившая Робсона интеллигенция невзлюбила его именно за то, что он любил Россию и их в том числе. Таковы парадоксы российского самосознания.

Вслед за Робсоном в Москву приехал еще один североамериканец: худощавый лощеный металлургический магнат, один из руководителей Кливлендской группы, миллиардер-диссидент Сайрус Итон. Искренне обеспокоенный будущим мира, он объединил под своими знаменами борьбы против ядерной войны ее противников – ученых, таких как Альберт Эйнштейн, Фредерик Жолио-Кюри, Бертран Рассел и многих других. Впоследствии это движение по месту первого собрания 7 – 11 июля 1957 года двадцати двух ученых из десяти стран в переоборудованной церкви деревни Пагоуш на Восточном побережье Канады, где у Итонов было имение, назовут Пагоушским. В 1995 году Пагоушское движение стало лауреатом Нобелевской премии мира «За большие достижения, направленные на снижение роли ядерного оружия в мировой политике и за многолетние усилия по запрещению этого оружия».

1 сентября 1958 года Итон встретился с отцом в Кремле. Они сразу нашли общий язык. Отцу, как и Итону, претила война, разрушение.

В Вашингтоне Итона не привечали, но и отмахнуться от него не могли. Его просто старались не замечать. Как-то раз, я уже не помню в связи с чем, президент Эйзенхауэр в сердцах публично посоветовал не обращать на активность Итона внимания – он-де не пользуется в США никаким влиянием. Итона слова президента не на шутку задели. Об этой истории он рассказывал в моем присутствии отцу в 1959 году в Вашингтоне, где они снова встретились во время визита советской делегации в США.

– Представляете, господин Хрущев, Эйзенхауэр на весь свет объявил, что я – ничто, – обычно невозмутимый Итон на сей раз выглядел взволнованным. – Такого я спустить не мог, решил его как следует проучить. Тут подвернулся удобный случай. Президент представил Конгрессу на утверждение нового главу Энергетического ведомства, не последнего лица в администрации, он заправляет всеми атомными делами. Вот я и решил провалить его утверждение. Разослал сенаторам и конгрессменам, избранным от штатов, где располагаются мои заводы, просьбу голосовать против. Что тут началось! Ослушаться меня они не смели, но и ссориться с президентом боялись. Накануне голосования убежали из Вашингтона, попрятались по щелям, как тараканы. Думали, все обойдется. Я же зафрахтовал и разослал за ними по их штатам специальные самолеты и предупредил: кто не придет или проголосует «за», пусть пеняет на себя. Прилетели в Вашингтон как миленькие, проголосовали как надо, президентскую кандидатуру провалили с треском. На следующий день я послал Эйзенхауэру телеграмму.

Итон не сказал, что он в ней написал.

– Белый дом мне не ответил, – закончил рассказ довольный собой и тем, как он утер нос президенту, Итон.

Меня рассказ Итона привел в восторг, такого от капиталиста я не ожидал. Отец же дипломатично перевел разговор на борьбу за мир. Обсуждать с Итоном его распри с Эйзенхауэром он не хотел, ведь он тут, в США, гость президента.

Осенью следующего, 1960 года, после скандала с американским самолетом-шпионом У-2, сбитым в районе Свердловска (Екатеринбурга), беспардонного вранья Госдепартамента, их отказа извиниться, отец демонстративно отправился в Нью-Йорк на заседание Генеральной ассамблеи ООН уже не гостем американского президента, а его врагом. Но не допустить отца на свою территорию возможности не имел даже президент США.

Что и говорить, встречали отца в нью-йоркской гавани без красных ковровых дорожек, без официальных американских представителей. На причале толпились агрессивно настроенные журналисты, а среди них невозмутимо возвышался, как всегда подтянутый, Сайрус Итон. Он прилетел специально, чтобы встретить Хрущева.

### **День за днем**

2 – 10 апреля 1958 года отец с официальным визитом в Венгрии. Прошло около полутора лет после подавления восстания в Будапеште, но, вопреки опасениям, встретили их дружески, отец постоянно норовил «пойти в народ», смешаться с толпой, пожимал руки, улыбался, шутил.

25 апреля он уже в Курске, объехал поля, вручил области орден Ленина и вечером улетел с аналогичной миссией в Киев.

30 апреля 1958 года отец на ВДНХ осматривает экспозицию мелиоративной техники. В те годы началось осушение болот, в первую очередь белорусских и полесских. Считалось, что на торфяниках особенно хорошо растет картошка и вообще овощи. Примерно в те же годы американцы осушили болота в штате Флорида, приспособили их под выращивание помидоров. Прошли годы, и тенденции поменялись, оказалось, что болота отнюдь не бесполезны, и через полвека американское государство выкупило у фермеров флоридские помидорные плантации, возвратило их в исходное состояние. Теперь в тех местах учрежден биосферный заповедник.

12 мая 1958 года отец выступает в Кремле на совещании по автоматизации промышленности, а я с подмосковного аэродрома Чкаловский улетаю в свою первую в жизни длительную командировку на ракетный полигон в Капустин Яр под Сталинградом.

30 мая 1958 года в первый коммерческий рейс отправилась «Ракета», спроектированное Ростиславом Алексеевым в Горьком единственное в мире судно на подводных крыльях. Вскоре они появятся не только на наших реках и озерах, но и в Греции на Средиземном море и даже в Америке. Горьковское КБ удержит мировое первенство до 1990-х годов.

31 мая отец улетает в Софию на съезд Болгарской Коммунистической партии. В Москву он вернется только 9 июня.

10 июня утром отец разбирается с накопившимися за время его отсутствия делами, затем принимает делегацию общественных деятелей Великобритании, а вечером отправляется в Большой театр на спектакль парижской Гранд-Опера. Они привезли в Москву неизвестные нам современные одноактные балеты: «Наутеос» и «Сюиту в белом» Жака Леле и «Идиллию» Франсуа Серрета.

29 июня торжественно открыли шоссе Москва – Ленинград – Хельсинки, третью, после Минского и Симферопольского, современную автомобильную магистраль.

30 июня 1958 года на заседании Президиума ЦК отец предлагает запретить чиновникам разъезжать по стране в служебных салон-вагонах (о спецсамолетах тогда еще и не мечтали, использовать их «только в особых случаях»), а в обычных поездках покупать билеты, как и все остальные граждане.

4 июля, в День независимости Соединенных штатов, посол Лоуэллин Томпсон выступил по московскому телевидению. Американцы считали это выступление своей пропагандистской победой, а отец – своей, на основе взаимности администрация США теперь обязана была предоставить эфир нашему послу.

На приеме в посольстве США отец в тот вечер отсутствовал, накануне вместе с президентом Чехословакии Антонином Новотным отправился в Ленинград. Там они посетили крейсер «Киров», а во второй половине дня, 4 июля отец выступил на Кировском заводе, призвал бороться с пьянством, советовал переходить с водки и бормотухи на сухие вина, благо производили их вдоволь, весь Крым, юг Украины, Молдавию засадили виноградом. Газеты, как водится, подхватили и растиражировали инициативу отца, но народ к его увещаниям оказался глух. Культура «винопития» в России не прививалась.

6 июля отец возвратился в Москву, а 8-го утром улетел в Берлин, там его ожидали на съезде СЕПГ.

18 июля на Президиуме ЦК зашел вопрос о гимне, в последнее время из-за упоминания в тексте имени Сталина гимн исполняли «без слов», но бесконечно так продолжаться не могло. Отец поинтересовался: «Нельзя ли взять за основу нового гимна песню Исаака Дунаевского “Широка страна моя родная”»? Секретариату ЦК поручили организовать обсуждение, отобрать лучшее, опубликовать слова и ноты в «Правде».

В октябре-декабре 1958 года поручение выполнили, опубликовали, но дальше дело не шло. Слова сочиняли лучшие поэты, в том числе и Твардовский, музыку писали практически все значимые композиторы, включая Шостаковича, но гимна не получилось. Вопрос отложили на неопределенное время.

29 июля в Москве на Триумфальной площади (в те годы – площадь Маяковского) открыли памятник великому поэту XX столетия Владимиру Маяковскому, почти сразу ставший центром притяжения разбуженной оттепелью мятущейся молодежи, талантливых молодых поэтов – новых властителей дум новой эпохи.

Поэтические чтения у памятника Маяковскому доставят немало головной боли московским властям. Они попытаются «принять меры», но разогнать читающих и слушающих стихи без санкции отца не решатся. Памятник Маяковскому вскоре станет символом духовного освобождения. К сожалению, ненадолго. После 1964 года несанкционированные выступления на площади Маяковского запретят.

В августе в Тихий океан отправилось исследовательское судно Академии наук СССР «Витязь». Корабль небольшой и невзрачный, но первый. Вскоре в Советском Союзе построят целую научно-исследовательскую флотилию, по значимости вторую после США.